

ШЕВЧЕНКО ЕГО АУМЫ И ПЬСНИ.

ВЪ ПЕРЕВОДѢ

И.А. БЪЛОУСОВА

рис. А.М. Комарова

• ИЗЪ ТЪХЪ СЫТИНАХЪ

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., соб. домъ
МОСКВА. — 1914.

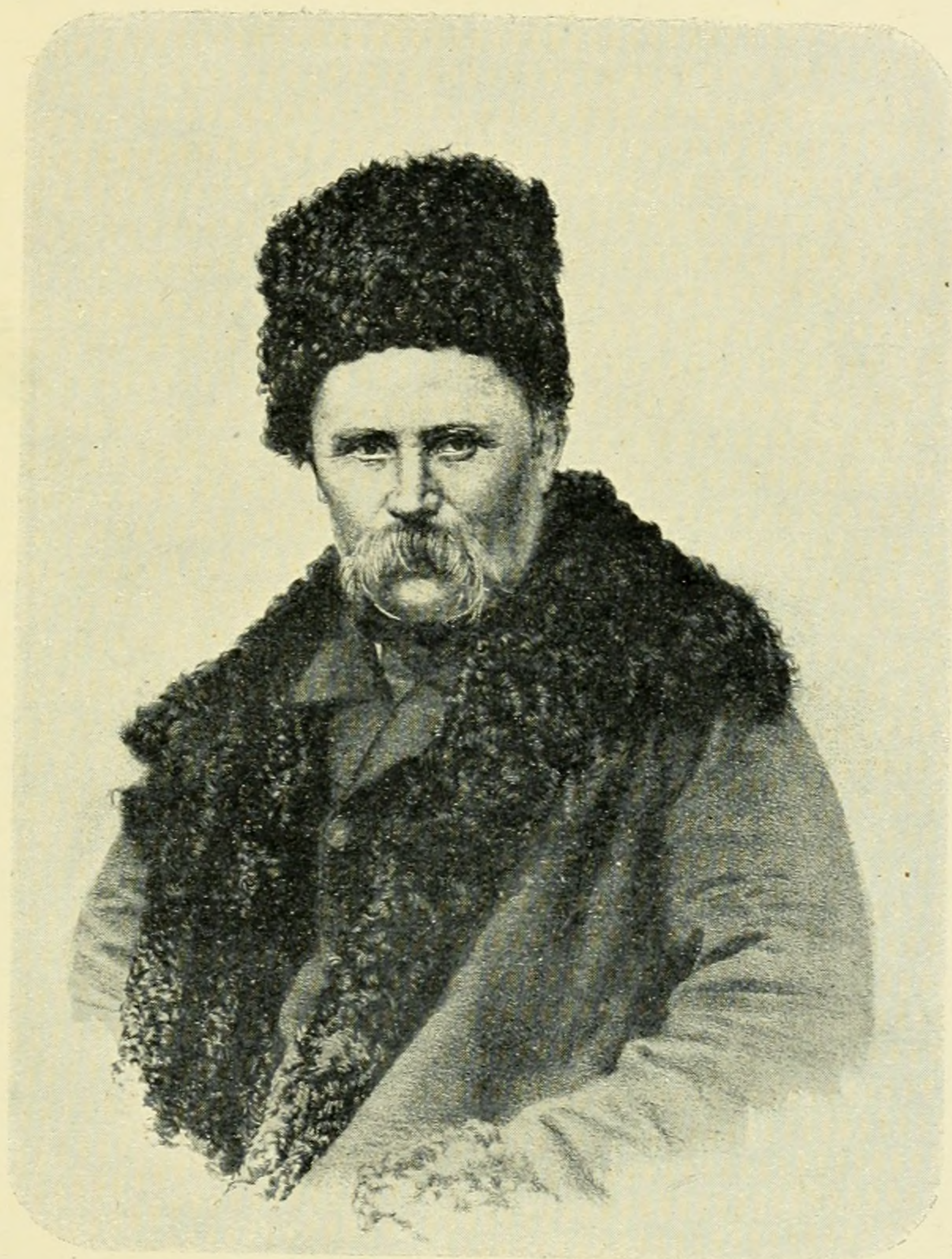
Т. Г. ШЕВЧЕНКО.

(БІОГРАФИЧЕСКІИ ОЧЕРКЪ).

1.
Долга

Мы не лукавила зомлюю,
Мы дружим, братом, и сестрою
Сироты стала. Мы была
Мне миленького заступу
И во школу хлопцы одвела
До пенького даха въ науку
Учили сердечко, концы
За нас будущте моде ты изволи.
А и послушай, и уми вей,
И вытсвей а ты збрехи ли
Жи за нас моде? Ты дурман
Мы не лукавили а то бои,
Мы просто имам. укай те ма
Зерна не пугави за собого
Ходитот долетко мой!
Мн' друже ширый не лукавы!
Ходито дабме, дабме слава,
А слава затовидь мой.

М. Меленко

M. Mebranka

Тарасъ Григорьевичъ Шевченко.

I.

25 февраля 1861 года въ небольшой квартиркѣ при С.-Петербургской Академіи Наукъ было тихо,—только съ антресоль слышались болѣзненные вздохи и по временамъ сдержанные стоны больного.

Въ квартиру то и дѣло входили люди, подавали письма и телеграммы...

Больной этотъ былъ украинскій поэтъ Тарасъ Григорьевичъ Шевченко; входившіе люди—его друзья, почитатели, пришедшіе поздравить своего дорогого поэта со днемъ рожденія и именинъ.

Именинникъ сидѣлъ на кровати, опустивъ голову, и то и дѣло схватывалъ себя за больную грудь. Доктора, насколько было возможно, старались облегчить страданія больного, но всѣмъ окружающимъ было ясно, что часы его сочтены.

Почти всю ночь Т. Г.—чъ провелъ, сидя на кровати, упершись въ нее руками, и не въ силахъ былъ прилечь отъ боли. Въ 5 час. утра онъ попросилъ себѣ стаканъ чаю съ молокомъ, выпилъ его, потомъ сошелъ внизъ въ свою мастерскую, упалъ тамъ,—и народнаго поэта Украины не стало!..

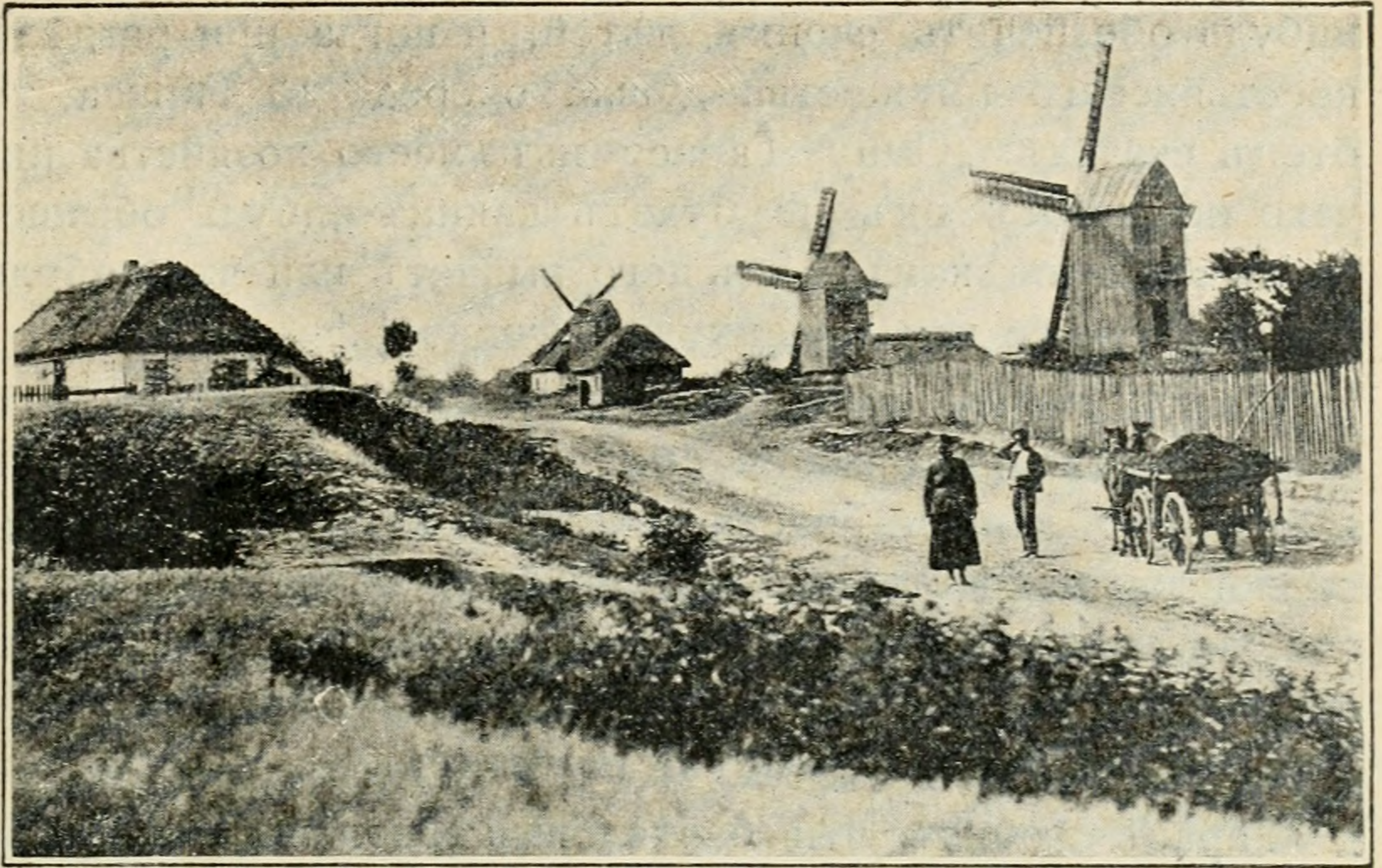
Вѣсть о кончинѣ поэта быстро дошла до Украины: въ городахъ служили панихиды, на собраніяхъ говорили рѣчи о покойномъ; только въ селахъ да глухихъ деревенькахъ не скоро еще услышали эту горестную вѣсть. Попрежнему тамъ жили люди, работали и не знали о

смерти того, кто всю свою жизнь болѣлъ за нихъ душою, страдалъ сердцемъ.

Не скоро услышали о смерти Шевченко и въ дер. Моринцахъ, Звенигородскаго уѣзда, Кіевской губерніи, гдѣ 25 февраля 1814 года у крѣпостного крестьянина Григорія Шевченка и родился этотъ самый знаменитый поэтъ---Тарасъ; онъ былъ третьимъ ребенкомъ у Григорія; первымъ былъ сынъ—Никита, а вторымъ—дочь Катерина. Вскорѣ послѣ рожденія Тараса, Григорій переселился на жительство въ с. Кирилловку, гдѣ и протекли первые младенческіе годы поэта.

Вотъ какъ самъ Шевченко описываетъ свое дѣтство.

„Передо мною наша бѣдная, старая, бѣлая хата съ потемнѣвшей соломенной крышей и чернымъ „дымаремъ“, а около хаты—яблони съ краснобокими яблоками, а вокругъ яблони цвѣтникъ, любимецъ моей незабвенной сестры, моей терпѣливой, моей нѣжной няньки. А у воротъ стоитъ старая развѣсистая верба съ засохшею верхушкою, а за вербою „клубя“ (сарай), а за „клубней“ по косогору пойдетъ уже садъ, а за садомъ „левада“ (сѣнокосъ), а за „левадою“ долина, а въ долинѣ тихій, едва журчавшій ручеекъ, уставленный вербами и калиною, окутанный широколистными темно-зелеными лопухами. А въ этомъ ручейкѣ купается кубическій бѣлокурый мальчуганъ; выкупавшись, вбѣгаетъ въ садъ, падаетъ подъ первую грушею и засыпаетъ... Проснувшись, онъ смотритъ на противоположную гору и думаетъ: „А что же тамъ за горою? Тамъ, должно-быть, тѣ желѣзные столбы, на которыхъ держится небо?“ И пошелъ этотъ мальчуганъ—Тарасъ—къ желѣзнымъ столбамъ; долго шелъ, до самой ночи, а столбовъ все не было видно. На другой день снова отправился Тарасъ, да и заблудился; къ его счастью, ему попались на дорогѣ чумаки (извозчики) и подвезли его до Кирилловки. „Когда я пришелъ домой,—разсказываетъ Шевченко,—то старшая сестра подбѣжала ко мнѣ, схватила меня за руки и

Дер. Кирилловка, гдѣ жилъ Шевченко въ дѣтствѣ.

повела черезъ дворъ и посадила „вечерять“ (ужинать). Повечерявши, сестра повела меня спать, уложила въ постель, перекрестила и поцѣловала“...

Эти воспоминанія относятся къ шести-семилѣтнему возрасту Тараса; тогда ему жилось хорошо. Хотя матери и не было времени заниматься съ нимъ, зато у него была сестра Ирина—„терпѣливая, нѣжная нянька“ его.

Въ 1823 г. умерла мать Шевченка, и съ этого года въ жизни маленькаго Тараса произошла большая пере-мѣна: отецъ его женился на вдовѣ съ дѣтьми; пошли раздоры; мачеха не влюбила Тараса; но отецъ не переставалъ заботиться о сиротахъ, оставшихся безъ родной матери: онъ отдалъ Тараса учиться грамотѣ къ мѣщанину Губскому. Грамота далась мальчику сразу, но успѣхамъ въ обученіи мѣшали нескончаемыя шалости и проказы. Къ тому же ученіе это прервалось, благодаря горестному обстоятельству: умеръ Григорій Шевченко, когда сыну его Тарасу минуло только 11 лѣтъ. Передъ смертью Григорію Шевченку хотѣлось чѣмъ-

нибудь обезпечить своихъ дѣтей, и когда при раздѣлѣ крестьянскаго имущества дошла очередь до Тараса, то отецъ сказалъ: „Сыну Тарасу изъ моего хозяйства ничего не нужно: онъ не будетъ какимъ-нибудь обыкновеннымъ человѣкомъ,—изъ него выйдетъ или что-нибудь очень хорошее или же никуда негодное!..“

Послѣ смерти мужа мачеха, чтобы избавиться отъ лишняго рта, постаралась сбыть Тараса изъ дома; она нашла ему занятіе—пасти свиней, телятъ и овецъ кирилловскихъ крестьянъ. Съ ломтемъ чернаго хлѣба за пазухой, съ кнутомъ въ рукахъ мальчикъ цѣлые дни проводилъ на пастбищѣ, гдѣ только одни „могилы“-курганы „стоятъ и сумуютъ“ (грустятъ).

Тарасъ любилъ эти безмолвныя „могилы“; ляжетъ, бывало, въ траву, подопретъ голову ручонками и смотритъ долго-долго въ синюю даль. Эти родныя картины привольныхъ степей такъ рѣзко запечатлѣлись въ дѣтскомъ мозгу, что черезъ много лѣтъ припомнились поэту и вылились въ чудныхъ, вдохновенныхъ стихахъ.

Но вотъ наступила зима,—Тарасъ опять остался безъ дѣла; мачеха, чтобы выжить изъ дома пасынка, отдала его въ ученіе къ дьячку Бугорскому, гдѣ Тарасъ изучилъ Часословъ и Псалтирь, а потомъ перешелъ къ священнику Нестеровскому, у котораго выучился письму. Въ прекрасномъ стихотвореніи „Доля“ Т. Г—чъ упоминаетъ объ этомъ обстоятельстве.

„Ты не лукавила со мною:

Ты другомъ, братомъ и сестрою

Была бѣднягѣ. Ты взяла,

Еще дитей, меня за руку

И въ школу хлопца отвела

Къ дьячку разгульному въ науку.

Учись! Со временемъ, дитя,

„Людьми мы будемъ“, ты сказала.

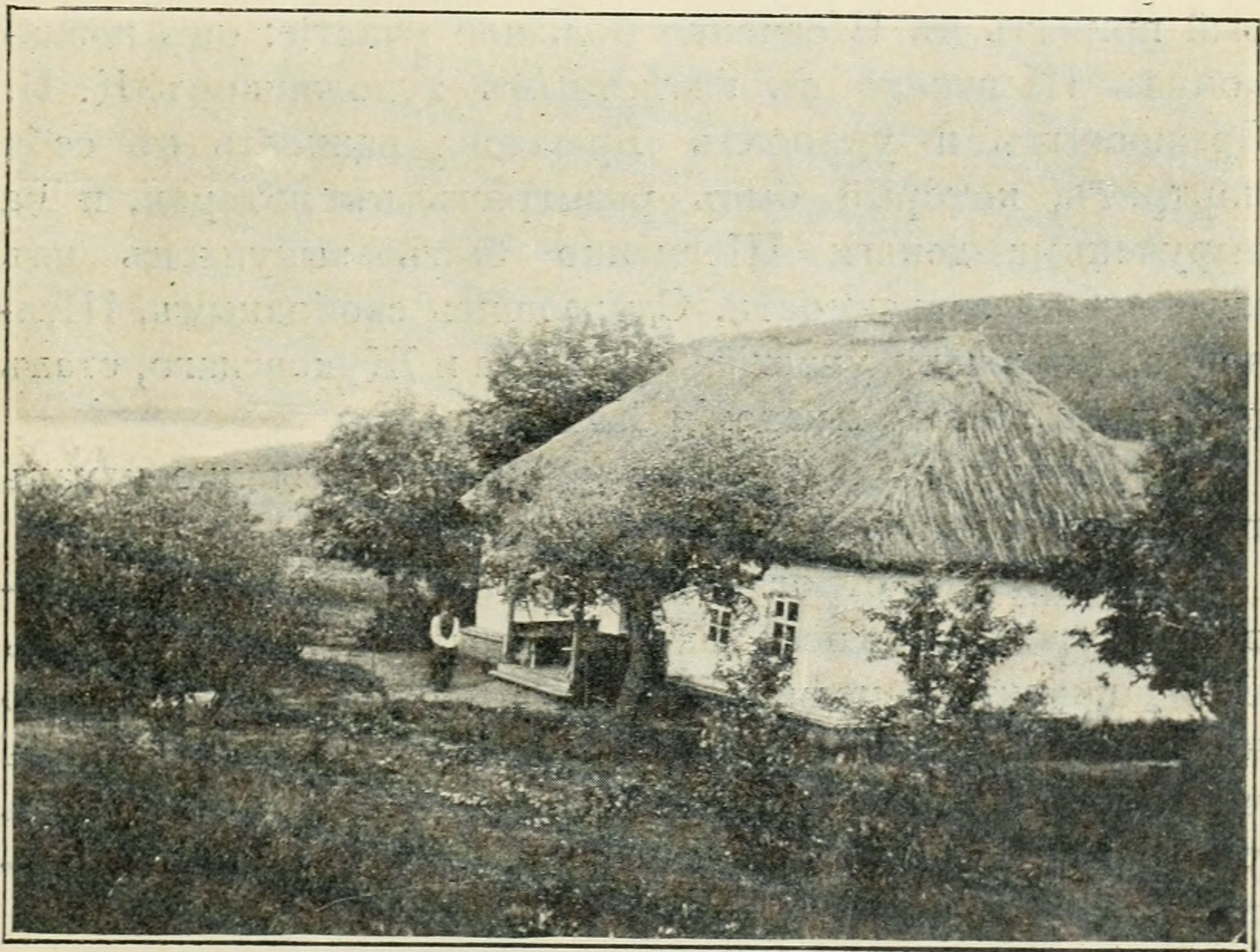
Я сталъ учиться,—вѣрилъ я,—

И научился... Ты жъ солгала:

Что мы за люди?—Нужды нѣтъ!
Мы не лукавили съ тобою,
Мы прямо шли, и за собою
У насъ зерна неправды нѣтъ.
О доля, да, ты не лукава!
Тебѣ, какъ другу, вѣрю я!
Идемъ же дальше,—дальше слава,
А слава—заповѣдь моя!..

(Пер. Н. Гербеля.)

Отъ дьячка Шевченко сбѣжалъ и долгое время скитался безъ крова, ночуя въ садахъ, куда сестры носили ему хлѣбъ. Потомъ онъ бѣжалъ въ м. Лисянку къ дьякону-живописцу. Страсть къ рисованію у Шевченка тогда уже пробудилась. Но у дьякона Тарасъ прожилъ только четыре дня и переселился въ Стебловъ (Каневского у.), а потомъ въ м. Тарасовку.

Хата у могилы Шевченка.

Наконецъ Шевченко снова попадаетъ на родину. Старшій братъ Никита хотѣлъ приучить его къ хозяйству, но подвижная натура поэта не сродни была упорному и постоянному труду. Въ это время помѣщикъ, которому принадлежалъ Шевченко, вздумалъ изъ своихъ крѣпостныхъ набрать нѣсколько юношей для домашнихъ услугъ и поручилъ это дѣло своему управляющему. Въ эту дворню и попалъ Шевченко; его отправили къ барину въ г. Вильно, гдѣ Шевченку дали должность поваренка, а потомъ сдѣлали „комнатнымъ казачкомъ“; а когда баринъ замѣтилъ у Шевченка наклонности къ художеству, то отдалъ его въ науку къ портретисту Лампи въ Варшавѣ. Съ переѣздомъ барина въ Петербургъ, Шевченко попалъ къ художнику Ширяеву и въ это время познакомился съ малорусскимъ писателемъ Е. Гребенкой, а черезъ него — съ художникомъ Венеціановымъ и нашимъ поэтомъ В. А. Жуковскимъ, который принялъ въ Шевченко большое участіе: онъ познакомилъ Шевченко съ извѣстнымъ художникомъ К. П. Брюлловымъ и упросилъ Брюллова написать съ себя портретъ, который былъ разыгранъ въ лотереи, и на вырученныя деньги Шевченко былъ выкупленъ изъ крѣпостной зависимости. Сдѣлавшись свободнымъ, Шевченко, благодаря участію Брюллова и Жуковского, сталъ посѣщать классы Академіи Художествъ.

Приблизительно съ этого времени Шевченко началъ писать стихи на малорусскомъ языкѣ.

„Украинская строгая Муза,—говорить Шевченко,—долго чуждалась моего вкуса, извращеннаго жизнью въ помѣщичьихъ переднихъ, на постоянныхъ дворахъ. Но когда предчувствіе свободы возвратило моимъ чувствамъ чистоту первыхъ лѣтъ дѣтства, проведенныхъ подъ убогою батьковскою стрѣхою, она (Муза) обняла и приласкала меня на чужой сторонѣ“.

Вотъ какъ въ своихъ стихахъ Шевченко опредѣляетъ свою Музу:

И ты прекрасная, святая,
Подруга солнца молодая,
Меня въ объятія взяла
И, съ колыбелью разлучая,
Далеко въ поле отнесла.
Тамъ на могилу положила,
Туманомъ сизымъ обвила,—
И по раздолью ворожила,
И пѣть, и плакать зачала...
То были чары чаровницы!
Вездѣ и всюду съ этихъ поръ,
Какъ свѣтлый день, какъ лучъ денницы,
Горитъ на мнѣ твой дружный взоръ!

.

Золотокрылой, дорогой
Ты пташкой надо мной парила,
И душу мнѣ живой водой
Ты благотворно окропила!
Пока живу я,—надо мною
Своей небесною красою
Свѣти же, зоренька моя!
Моя заступница святая,
Моя отрада неземная,
Не покидай меня! Въ ночи
И яснымъ днемъ и вечерами
Ты людямъ истину учи
Вѣщать нелживыми устами.
За край любимый, край родной
Мнѣ помоги сложить молитву,
И въ самый часъ послѣдній мой,
Какъ я закончу жизни битву,
Не покидай меня, пока
Послѣдній свѣтъ въ очахъ не сгинетъ;
Поплачь о мнѣ хотя слегка,—
И горсть земли твоя рука
Пускай тогда на гробъ мой кинетъ!..

(Перев. Н. Курочкина.)

Въ 1833 г. Шевченко отправился на родину, посѣтить
родную деревеньку, повидалъ своихъ сестеръ, братьевъ.

Прожилъ онъ на родинѣ недолго и опять уѣхалъ въ Петербургъ.

Въ 1846 г. Шевченко снова пріѣхалъ на Украину; поселился онъ въ Кіевѣ; здѣсь познакомился съ извѣстнымъ историкомъ Н. П. Костомаровымъ. И здѣсь же, въ Кіевѣ, онъ былъ арестованъ, отвезенъ въ Петербургъ и отданъ въ солдаты; служить его послали въ Закаспійскій край. Его обвинили въ принадлежности къ „Кирилло-Меѳодіевскому“ братству, которое будто бы преслѣдовало цѣли отложенія Украины отъ Россіи. Шевченко страшно скучалъ, что видно изъ его стихотвореній, написанныхъ въ этотъ періодъ.

Существуетъ разсказъ, какъ арестовали Шевченка. Когда онъ пріѣхалъ въ Кіевъ, его пригласили на свадьбу, на другой берегъ Днѣпра; онъ поѣхалъ. Возвращаясь со свадьбы въ Кіевъ на поромѣ черезъ Днѣпръ, онъ везъ съ собой небольшой чемоданчикъ. На поромѣ онъ встрѣтилъ одного своего знакомаго, который спросилъ его:

— А что это у васъ, Т. Г., въ чемоданѣ-то?

— Такъ, разныя бумаги, — отвѣтилъ Шевченко.

— А вы бы его въ Днѣпръ опустили! — посоветовалъ ему знакомый.

— Почему? — спросилъ Шевченко.

— А потому, что васъ на томъ берегу арестуютъ. Шевченко подумалъ и твердо сказалъ:

— Нѣтъ!

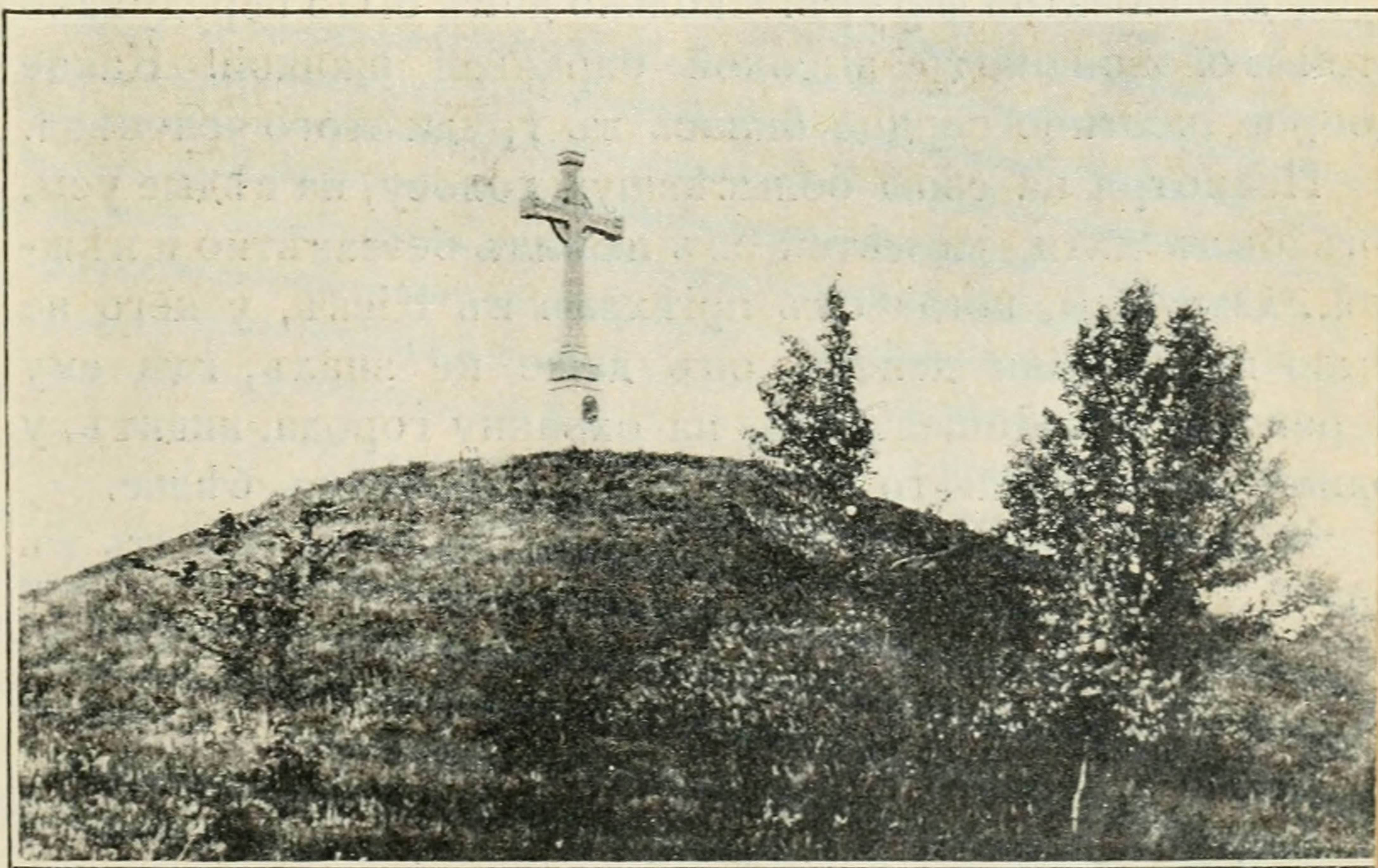
На кіевскомъ берегу онъ былъ дѣйствительно арестованъ.

Тяжело жилось Шевченку вдали отъ родины; но онъ не терялъ надежду на лучшее будущее.

А можетъ-быть, дожить придется, —
Надежда въ душу мнѣ вернется, —
Я изъ Днѣпра воды напьюсь...

Слишкомъ десять лѣтъ пробылъ Шевченко въ солдатахъ и, наконецъ, снова поселился въ Петербургѣ при Академіи Наукъ, гдѣ попрежнему сталъ заниматься живописью, но здоровье его было уже плохо. Единственную надежду на поправку онъ видѣлъ въ переселеніи на родину: ему очень хотѣлось построить себѣ хатку на берегу Днѣпра и зажить тихой, спокойной жизнью, — приобрести клочокъ земли на высокомъ берегу Днѣпра близъ г. Канева, но пожить тамъ ему не пришлось. 26 февраля 1861 г. его не стало. Шевченко завѣщалъ похоронить себя на Украинѣ.

Друзья исполнили завѣтъ поэта. И теперь, если вамъ случится ѣхать по Днѣпру, то на правомъ берегу его, высоко на горѣ, верстахъ въ двухъ отъ г. Канева, вы увидите одинокій бѣлый крестъ, — это и есть могила Шевченка: она выросла на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ поэтъ мечталъ при жизни построить себѣ хату.

Могила Шевченка.